

СВЯТИТЕЛЬ ЕВЛОГИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ КАК ЭКЗЕГЕТ СВ. ПИСАНИЯ

*Павел Кириллович ДОБРОЦВЕТОВ,
кандидат философских наук, преподаватель МДА*

Доклад на III Богословской научной конференции
«Экзегетика и герменевтика Священного Писания»,
посвященной 1600-летию преставления свт. Иоанна Златоуста

Московская православная духовная академия
Сергиев Посад, 29-30 ноября 2007 года

Электронная версия доклада (в авторской редакции)
Размещена на сайте Кафедры библеистики МДА (www.bible-mda.ru)

Хотя основная тематика данной конференции посвящена творчеству свт. Иоанна Златоуста, полагаю, что не будет совсем неуместным поговорить сегодня о творчестве свт. Евлогия Александрийского. Между ними при всем различии, и в том числе хронологическом (в 2 столетия) можно найти пусть и далекие, но все же параллели. Все мы прекрасно знаем, что в этом году круглая дата — исполняется 1600 лет со дня кончины свт. Иоанна Златоуста. Совершая память свт. Евлогия мы тоже празднуем круглую дату. В этом и следующем году исполняется 1400 лет со дня кончины свт. Евлогия Александрийского. Он скончался по разным сведениям в 607 – 608 гг. 13 февраля по старому стилю, 26-го по новому. Так что праздновать его память мы можем два года. Дальнейшие сходства еще более тесные: свт. Иоанн Златоуст был выходцем из Антиохии и ставленником на другой кафедре — в Константинополе. Свт. Евлогий Александрийский был тоже выходцем из Антиохии и ставленником на другой кафедре — в Александрии, но рукоположен был также, как и Иоанн Златоуст в Константинополе. Если свт. Иоанн Златоуст был кафедральным проповедником в Антиохии до своего рукоположения, то свт. Евлогий Александрийский был игуменом Богородичного «Юстинианова» монастыря в Антиохии и как ревнитель православия, был удостоен должности синкелла Антиохийского патриарха (*J. Maspero. P. 259*), а также возглавлял странноприимный дом (ξενοδοχεῖον) (*Joan. Eph. Hist. eccl. I, 40*). То есть их церковные должности были весьма близки. Каждый из них был до своего архиерейского рукоположения «правой рукой» своего епископа. И тот и другой писали на экзегетические темы, писали против еретиков (в частности против новациан и иудеев). Впрочем, на этом сходства заканчиваются. У свт. Евлогия мы не встретим ни такого огромного объема сочинений, как у Иоанна Златоуста (даже то, что дошло от него — сохранилось в отрывках и пересказе свт. Фотия). У свт. Евлогия нет собственно экзегетических творений, как у свт. Иоанна, вся его экзегетика вкраплена в его

богословие, у него почти нет сочинений нравственно-назидательного и аскетического характера. Зато у него есть то, что отличает его от Иоанна Златоуста — мощный пласт христологической проблематики — полемики против монофизитов, характеризующейся скрупулезной аналитикой богословских категорий (ипостась, природа, свойство и др.), о чем у свт. Иоанна возможно не было склонности теоретизировать. И конец их жизни был разным — свт. Иоанн скончался в ссылке, а свт. Евлогий — на своей кафедре.

Кстати сказать, свт. Евлогий поддерживал с Римской церковью в лице свт. Григория Двоеслова духовные, богословские и даже хозяйственные (поставки леса на судах в Александрию) контакты. Свт. Григорий Двоеслов в своих письмах к Е. сообщает об отправке им личного подарка Е. — креста с частицей вериг свв. Апостолов Петра и Павла, а кроме того, усвояет Е. не только успехи в активной деятельности против еретиков в Египте, но также высокую добродетельную жизнь и силу молитвы, исцеляющей самого Григория от болезни и способствующей обращению язычников Северной Европы в христианство (*Greg. Magn. Epistulae. Lib. VIII, ep. 30*).

Как и у других св. отцов Церкви — толкователей Св. Писания у св. Евлогия можно найти два типа экзегезы (может быть кто-то найдет больше): во-первых, экзегеза в классическом понимании — последовательное толкование Св. Писания как объяснение его содержания (я бы его назвал «незаинтересованным толкованием»), и во-вторых, экзегеза носящая «заинтересованный» характер, это либо целенаправленное решение каких-нибудь конкретных богословских вопросов и проблем, и в том числе с привлечением текста Св. Писания, либо полемика с еретиками и раскольниками, которая также не могла обойтись без апелляции к библейскому тексту. Так вот, у Евлогия, из того, что сохранилось от его произведений, присутствует экзегеза второго вида, а первого — только лишь обрывки. Начнем со второго.

Вообще, экзегеза свт. Евлогия Александрийского находится на полемическом поле. Он опровергает монофизитов, новациан, агноитов и самаритян.

Св. Писание в антимонафизитской полемике св. Евлогия присутствует мало, он апеллирует в основном к богословским категориям и тексту Халкидонского ороса. Остаются последние три ереси.

Еретики самаритяне были сектой иудейского толка, скорее всего — это были самарянские саддукеи. Самаритяне (или досифеяне) — секта иудейского толка, члены которой признавали в качестве авторитета только Пятикнижие Моисея, а в качестве Мессии признавали своего пророка Досифея. Е. свидетельствует, что Досифей отрицал воскресение мертвых, Страшный Суд, бытие добрых и злых ангелов; душу считал смертною, преходящею, а мир — бессмертным, непреходящим. Самаритяне, также как иудеи, активно боролись против византийской государственной власти на стороне персов, в т.ч. устраивая кровавые бунты и массовые избиения христиан, и не оставляли надежд на восстановление своей государствен-

ности в Палестине. В свете религиозной политики имп. Св. Юстиниана Великого, а затем и его преемников — самаритяне рассматривались в качестве еретиков и поэтому подлежали еще более жестким, чем иудеи, преследованиям. Имп. Юстиниан I, а затем и Маврикий издали указы о насильном крещении самарян. Когда Е. взошел на Алекс. кафедру, то пытался сократить их численность в городе. В 589 г. Е. собрал собор в Александрии, осудивший секту самарян, впрочем, скорее всего это не принесло существенных результатов (*J. Maspero*. P. 260 - 261).

Свт. Фотий в своей «Библиотеке» сохранил конспект книги свт. Евлогия под названием «Определение против самарян». Аргументация Евлогия против Досифея:

«Народ самарян, разделенный на различные враждебные и борющиеся между собой и с иноплеменными своими мнениями части. Они считают, что слова пророка Моисея, сказанные об Иисусе Навине, что [Бог] *Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой* (Втор. 18, 15) относятся к некоему Досфену или Досифею. Он был родом самарянин, как и Симон Маг, и время расцвета их жизней совпадает. И они морочат головы, что пророчества были о нем, и по его имени они называются досифеянами. [И говорят,] что этот злодей был [якобы] пророком Божиим, дерзко был настроен особенно против Иуды — одного из двенадцати патриархов, и при этом не устыдился многих похвал Иуде в Моисеевых Писаниях. Все это сказанное [об Иуде] он выбрал и осмел, и все это — пророчество и все прочее божественное себе приписал. Многими и различными другими подложными писаниями он исказил Восьмикнижие Моисеево, и некоторые другие сочинения — [свои], глупые, противные и враждебные духовному законоустановлению оставил поверившим ему. Отрицал он и воскресение. Части их разделились на богохульные и враждебные секты. Издают они и книжонки в пользу собственного мнения и против противоположного, и каждая их часть предпочитает выбираемого от себя пророка.

Итак, воссел над ними судья — священный Евлогий вместе с собором архиереев — замечательных и блистательных, [вместе] составивших полноту своего достоинства. Разобрав сказанное каждым и обличив всех отступивших сильно от истины, священный Евлогий представил, что слова Священного Писания пророчествовали о Господе Иисусе Христе — нашем истинном Боге, а о тех, которые впали в великое и тяжкое заблуждение, об одних, которые говорят, что в пророчествах якобы речь шла об Иисусе Навине, постановил, что они пустословят, о других же, которые провозглашают Досифея, что таковые лгут. И так собор закончился. Впрочем, запись этого собора погибла вместе со смертью Евлогия, третья же книга попала в наши руки».

У свт. Евлогия мы встречаем доказательства учения о посмертной жизни души в Ветхом Завете. Ведь самаряне или иудеи не признавали доводов от Нового Завета, ему поэтому приходилось основываться на ветхозаветном тексте, а точнее на описании кончины патриархов и пророка Моисея:

«Ибо как не абсолютно истинным было высказывание Бога о Воскресении, Который сказал Аврааму: *а ты отойдешь к отцам твоим в мире и будешь погребен в старости доброй* (Быт. 15, 15)? Ибо как бы Авраам отошел [к отцам своим в мире], и к кому, если бы ожидал, что станет ничем и не к кому будет отходить? И как немного спустя то же священное слово Писания говорит: *и скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный [жизнью], и приложился к народу своему* (Быт. 25, 8). Ибо как можно приложиться к небытию и как может приложиться к несущим сущее? А что же говорится об Иакове: *И собрались все сыновья его и все дочери его, чтобы утешить его; но он не хотел утешиться и сказал: с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю* (Быт. 37, 35)? Ибо как же можно додумывать сошествие [во ад] несуществующего? Как же сошел бы к сыну своему тот, кто никогда и никак не мог бы этого сделать в соответствии со злословной Досифеевой болтовней? Опять же, Иаков, благословляя своих сыновей говорит: *я прилагаюсь к народу моему* (Быт. 49, 29). Ибо если знал, что его существование ограничивается пределом этой жизни, то как же говорит тогда, что не сущее может приложиться к больше не существующему никак народу? Смотри же, что Сам Владыка и Бог всяческих говорит Моисею, когда тот восшел на вершину горы Нево, и показал землю, которую собирался дать в наследство Израилю: *и посмотри на нее; и затем: и умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложись к народу твоему, как умер Аарон, брат твой* (Втор. 32, 49 – 50). Если же и это не трогает, то [посмотри, как] Сам Бог восклицая утверждает: *Я — Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова* (Исх. 3, 6). Ибо как был бы Бог Богом истинным для тех, кто уже никогда больше не будут, но истлели и перешли в небытие?»

После этого, от этих т.с. частных аргументов, свт. Евлогий переходит к более общему тезису — к аргументу о существовании рая:

«Зачем же Бог тогда насадил рай на востоке, в Эдеме, в котором решил поместить сотворенного человека, если знал, что тот тотчас согрешит, и из этой только что созданной [райской] земли будет тотчас изгнан, и [что же] тогда после этого, разве Он не собирался вселить туда никакого человека? Ибо если каждый из живших на поприще этой жизни, как благочестиво, так и нечестиво, [по окончании этой жизни] обратится в небытие, и никто никак не будет существовать дальше, чтобы наследовать рай и в нем вкусить священных плодов, то разве не тщетно он появился на свет, и сколь неразумно и нечестиво это мнение, и через эту дерзость хулится общий Создатель, осуждая делать то, что умеренный бы муж итак бы не стал делать?»

Тем самым свт. Евлогий выдвигает помимо привычных нам из апологетической письменности начиная с II века нравственных аргументов Воскресения (в которые как в большую посылку входят и малые — т.е. подразумевается бессмертие души) еще один — что нормальный воздержный человек итак не станет делать того, что запрещает Бог, поэтому бессмысленной без посмертного воздаяния оказывается сама библейская нравственность. К сожалению, до нас не дошло подроб-

ностей библейской аргументации свт. Евлогия опровержения им других самарянских догматов:

«Также он опровергает и нечестивую проповедь Досифея о воскресении посредством священных словес [Писания], и говорит, что космос тленен (ибо Досифей рассказывал небылицы, что мир нетленен, а душа тленна), и что природа Ангелов получила от Бога свое существование, (а этот болтун считал их природу не существующей), и что демонский род также появился и существует (ибо досифеяне называли демонами идолов, и никакого демонского рода не признавали) и многое их умопомрачение обличал».

Полемика против агноитов, выделившейся из монофизитства ереси, также происходила на почве толкования текста Св. Писания, но если в случае с самарянами полем битвы был Ветхий Завет, то в случае с христологической ересью агноитов, которые отрицали всеведение Христа по человечеству, ограничивали Его в знании и душевных способностях, т.е. признавали Его человеческое ведение фактически равным нашему, полемика велась на новозаветной почве.

«Из палестинской пустыни пришли некие монахи, которые подвиглись проповедовать учение о том, что Господь наш Иисус Христос был объят неведением, от чего и сказал Сам: *Где вы положили Лазаря?*, или *О дне же том, или часе, никто не знает, ... ни Сын* (Мк. 13, 32), и из подобных выражений. Священный же Евлогий этот ни по человечеству, ни тем более по Божеству неведение Господа нашего Иисуса Христа ни о гробе Лазаря ни о последнем дне не простиралось».

Сочинения свт. Евлогия по этому вопросу свт. Григорий Великий считал во всем по духу согласными с учением зап. отцов Церкви. Е. в целом отрицательно решал вопрос о неведении Христа, по Божеству и по человечеству, поскольку «человечество в Нем было соединено в одной ипостаси с непреступной и самосущей Премудростью и не могло бы что-либо не знать, как о настоящем, так и о будущем или прошедшем, и не может быть ложным сказанное что-либо Им» (τὸ ἀνθρώπινον εἰς μίαν ὑπόστασιν συνελθὸν τῇ ἀπροσίτῳ καὶ οὐσιώδει σοφίᾳ) и поскольку не может быть ложным сказанное что-либо Им, в т. ч. слова: *Все, что имеет Отец, есть Мое* (Ин 16. 15), иначе надо будет признать неведение и Отца. Е. отрицал, в частности, неведение Христа о месте захоронения прав. Лазаря:

«Но если дерзают необразованные вывести из слов Его: *Где вы положили Лазаря?* неведение, то почему же тогда они не припишут и Отцу такое же неведение, говорящему Адаму: *Где ты?* (Быт. 3, 9), и к братоубийце: *Где Авель брат твой?* (Быт. 4, 9). Или *воплъ Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю* (Быт. 18, 20). Спрашивал также и Иисус демона: *Как имя тебе?* И он сказал в ответ: *легион имя мне, потому что нас много* (Мк. 5, 1). И у слепых спрашивал: *Чего вы хотите от Меня?* (Ин. 11, 44). И почему же отсюда не ясно, что это не неведение было, но Он спросил у самого демона, желая показать ученикам множество обитающих в одержимом, чтобы

научить их, что Он (Господь) над многими демонами одержал верх, и чтобы дать ученикам веру и дерзновение *наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10, 19). Слепых же он вопрошал по икономии, чтобы у них вызвать прошение, ибо насколько мы просящими о полезном бываем, настолько чувство благодарности имеем. А сказанное о последнем дне, что *никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец* (Мк. 13, 32), некоторые говорят, что это сказано по икономии, чтобы ученики стремились на всякий день бодрствовать в ожидании последнего дня».

Также агноиты находили подтверждение своим взглядам в неведении отсутствия плодов на смоковнице (Мк 11, 13). Свт. Евлогий же истолковывал бесплодную смоковницу в прообразовательном смысле как иудейскую синагогу, лишь «имевшую листовие закона», но не имевшую дел праведности. Однако, свт. Григорий Великий, с которым свт. Евлогий находился в переписке, передает слова Евлогия в смысле неведения Сына о кончине мира как относящиеся «не к Самому Сыну, поскольку Он глава, а к телу Его, которое составляем мы», т.е. Церковь (*Greg. Magn. Reg. epist. X 39*).

Свт. Евлогий выдвигает важный в христологической полемике экзегетический принцип «в собственном смысле или «по истине» — в несобственном смысле, или в переносном смысле».

«Говорит он, что одно сказанное о Христе говорится в переносном смысле, а другое — в истинном смысле. В переносном смысле, например, что Он стал за нас грехом и клятвой (ибо Он не был этим, но словно голова неся все тело, усваивая и свойственное телу, Он воспринимает то, что от тела). По истине же говорится, что Он стал человеком, алкал, жаждал и все тому подобное. Так что если кто желает сказать о Его неведении в переносном смысле, то есть, что не вне неведения было тело Его, то есть человеческая природа, которой Он есть Голова, то не абсурдно будет говорить так, а не утверждать о неведении Отчей Премудрости. ...

...Некоторые же говорят, что Он сказал о неведении последнего дня, особенно желая показать и подтвердить отличительное свойство человеческой природы, не в том смысле, что Он не знает (ни в коем случае! Ибо о неведении ни по человечеству, ни по божеству о Нем никто не дерзал говорить основательно), но поскольку, как говорил о нем блаженный Кирилл, что мы в тонких мыслях, то есть фантазиях ума образом размышления, наблюдаем собственные и сами по себе отличительные особенности, или как сказал Григорий Богослов, поскольку природы отстоят друг от друга в примышлениях, то разделяются и имена. А собственное характерное отличие простого человечества есть неведение. И если бы это было сказано применительно к человечеству Христа как к просто человечеству, то здесь бы наблюдалось неведение. И это Григорий Богослов прояснил, говоря: «Сын знает как Бог, приписывает же Себе незнание как человек, поскольку только видимое может быть отделяемо от умопредставляемого». Сказав это, он прибавляет, что если некоторые святые отцы и высказывались о неведении Христа по челове-

ству, то утверждали это не как догмат, но выступая против безумия ариан, которые переносили свойственное человечеству на Божество Единородного, поэтому отцы более домостроительно (и фигуративно) считали лучшим относить все это к человечеству, чем переносить на Божество. Если же кто в переносном смысле скажет так об этом, то примет более благочестивый смысл».

Самое крупное из сохранившихся произведений свт. Евлогия посвящено полемике против еkkлезиологической ереси новациан или катаров, чьи общины, несмотря на строгие меры со стороны виз. гос. власти, еще сохранялись в Александрии в VI в. Новациане выступали за непрощаемость тяжких грехов (идолослужение, убийство, прелюбодеяние), за необходимость перекрещивания переходивших в новацианство кафолических христиан, а также за представление о Церкви как обществе святых. Е. свидетельствует, что александрийские новациане отвергали почитание мощей св. мучеников (скорее всего — мучеников Кафолической Церкви). Е. написал 6 книг против этой ереси, которые стали одним из важных документальных свидетельств относительно этой ереси и полемики с ней на Востоке. В них он на основании ряда примеров из Св. Писания (таких как совместная молитва Авеля и Каина, мытаря и фарисея, пребывание в Ноевом ковчеге чистых и нечистых животных, приношение нечистой в соответствии с ВЗ Законом птицей — вороном пищи прор. Илии и др.) отвергает, как нечестивое, мнение катаров о том, что не следует молиться вместе с кафолическими христианами (как отступниками) и представление о Церкви как избранном обществе святых. В опровержение данного мнения катаров Е. приводит слова Христа: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2, 17), а также притчу о семенах и плевелах (Мф. 13, 24 – 30): «эта притча запрещает прежде скончания века отделять грешников от праведников, как новациане и говорят об этом, называя себя чистыми и отделяют от прочих людей» (Contr. Novat., III // PG. 104. 341 A). Чрезмерно суровую нравственную дисциплину новациан Е. опровергает тем фактом, что Господь, указывая на важность для христиан милосердия и покаяния, даровал после Воскресения ключи от Царствия Небесного именно ап. Петру, отступившему от Господа, но покаянием и слезами искупившему свое падение. Относительно ответа Господа — «до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18, 21), на вопрос о том, сколько раз надо прощать согрешившего брата, Е. указывает, что это относится не только ко всем ученикам Христовым, но и к предстоятелям Церкви, получившим по преемству от апостолов власть вязать и решить, которые поэтому в такой же мере должны быть милосердными к кающимся грешникам, чему новациане противились. На их возражения, что ап. Петр в момент отпадения был крещен несовершеннолетним, пока еще не сошел в день Пятидесятницы на Церковь Св. Дух, — Иоанновым крещением (и в частности поэтому они требовали проводить перекрещивание), Е. развивает вопреки, по словам свт. Фотия, большинству Отцов, мысль о совершенстве Иоаннова крещения и фактическом равнодостоинстве его с церковным Крещением, но лишь до тех пор, пока оно не было заменено последним, и то-

гда потеряло силу в смысле необходимости совершения, но не в тех, над кем оно было совершено, т.е. не требовало перекрещивания. Ибо по мысли Е. «Господь не посвятил бы апостолов прежде Своего страдания в страшные таинства, и не преподал бы им Тела и Крови Своих, если бы они не были крещены» (104. Col. 329 CD). При этом Е. объясняет, что упоминаемые в НЗ разные формулы совершения Крещения (Деян. 11, 5; Рим. 6, 2) являются лишь косвенными (синонимичными по сути) названиями, но подразумевают под собой обязательное и заповеданное Самим Господом (Мф. 28, 19) Крещение во имя всей Св. Троицы (104. 333 А). Приводимые новацианами запретительные слова из Евр. 6, 4 - 6, по мнению Е. относились не к покаянию, как они полагали, а к неоднократному повторению Крещения (104. 333 С - 336 А), поскольку адресовались ап. Павлом к обращенным из иудеев, продолжавшим соблюдать различные ВЗ «крещения». Крещение по словам Е. неповторимо, поскольку неповторимы смерть и Воскресение Христовы. Выступая против отвержения новацианами почитания св. мощей мучеников, Е. утверждает, что «они заключают в себе живительную силу, и достойно прибегающим к ним подают исцеления. Поэтому и до сих пор Господь хранит их кости (Пс. 33, 21), которые в будущем соединятся друг с другом и восприимут вместе с родственной им душой награду за победу в состязаниях». Е. утверждает, что хотя эти кости — умершего, но имеют в себе особую силу, так что даже уносящие их по вражьему наущению, не могут их предать земле от находящихся на них несчастий, «поскольку святые спогреблись вместе с Богом» (Contr. Novat., IV // PG. 104. 352 AB).

Кроме того, как мы отметили, у свт. Евлогия встречается экзегеза и «незаинтересованного», созерцательного характера. Однако, она носит у него любопытный характер. Содержится она в послании к Христофору и носит характер разъяснения затруднительных мест Св. Писания.

«Пишет этот благочестивый муж и к некоему Христофору, разъясняя затруднительные места Священного Писания. О спрашиваемом, как следует понимать сказанное во 2-й книге Царств: *И возбудил Бог Давида исчислить народ*, и далее: *и разгорелся гнев на него, за то, что он исчислил* (2 Цар. 24, 1 - 2), разрешает это недоумение так, что часто Священное Писание называет [буквально] «Богом» и «Господом» не только истинного Бога, но и начальника зла. Поэтому и сказанное апостолом Павлом свидетельствует о том же: *для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы* (2 Кор. 4, 4). И Господь говорит: *не можете двум господам служить* (Лк. 16, 13). Поэтому в 1-й книге Паралипоменон (1 Пар. 21, 1) открыто называется диавол, что он побудил Давида к переписи народа. Если же наш пример не согласуется с тем, что послан тобой, то вот следующий: *И восстал сатана на Израиля, и возбудил Давида сделать счисление Израильтян* (1 Пар. 21, 1) *и вышел гнев Господа на Иерусалим и возбудил Давида* и т.д. И, как кажется, *гневом Господа* назван упомянутый в Паралипоменеоне диавол. И если следовать тому, как написано, то полагаю, что решение [этого затруднения] будет двойственным. И если часто омонимы «Бог» и «Господь» (как часто это говорится),

Священное Писание берет в противоположном смысле, то ничто не мешает говорить так и в других местах. Ибо в законоустановлении Пасхи вместе с помазанием кровью дверей и косяков говорится: *и возьмите пучок иссопа, и обмочите в кровь, которая в сосуде, и помажьте перекладину и оба косяка дверей кровью, которая в сосуде; а вы никто не выходите за двери дома своего до утра. И поидет Господь поражать Египет, и увидит кровь на перекладине и на обоих косяках, и пройдет Господь мимо дверей, и не попустит губителю войти в дома ваши для поражения* (Исх. 12, 22 - 23). И ясно, что иной — Господь, о котором говорится здесь, будет проходить мимо и поражать египтян, и иной — Тот, Который не допустит губителю войти в дома израильтян и поражать их. Это же относилось и к сказанному о Валааме. Ибо Писание говорит о том, что Бог побудил его пойти к зовущим, и Бог разгневался, что он пошел к ним. Ибо здесь намекается на иного Бога, побудившего его, и иного — разгневавшегося на него яростью. Ибо не может быть, чтобы позволивший разгневался на исполнившего это повеление, но или позволившему не следовало бы гневаться, или если [знал] что будет гневаться на уход, то не стал бы позволять. И так Евлогий разрешает эти затруднения через омонимию. Но мне кажется, что лучше всего этот вопрос разрешается Феодоритом и другими священными мужами. Он говорит, что Давид согрешил при этой переписи и обрек народ на бедствия не тем, что исчислил народ, но потому, что народ помог отцеубийце Авессалому, поднявшему на отца враждебную руку, предпочтя власть самозванца тому, кого помазал на царство Бог.

Итак, разрешив, как кажется, первое недоумение, [Евлогий] разрешает и второе. Когда в одном месте Апостол говорит: *верю вселиться Христу в сердца ваши* (Еф. 3, 17), и *все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3, 27), великая видна разница между *вселением* и *облечением*, ибо это происходит снаружи, а то — внутри. Говорят, что различающий ум существует и как царь и как пастырь. Царь — разумных, а пастырь неразумных, называясь так в зависимости от различного использования воспринимающих благоволением (ибо никто не скажет о царствовании над неразумными и о пастушестве над разумными). Так же следует понимать и предложенное. И как говорит этот богочестный Павел: *и будучи укоренены и утверждены и укреплены в вере* (Кол. 2, 7). ... Поэтому и говорим по праву, что в утвержденных Им Он Сам действительно и обитает, для других же Он становится одеянием по Своему неизреченному человеколюбию, давая укрытие, чтобы ни северный ветер, жестокий и холодный, своим дыханием не истребил попавшихся ему несправедливо и душевредно, *ибо от севера появляется беда и великая скорбь* (Иерем. 6, 1)».